

АДАПТИВНЫЙ ПОЖИРАТЕЛЬ

КНИГА II

ГЛАДКИХ ВАЛЕНТИН

18+

Валентин Гладких

Адаптивный пожиратель 2

«Автор»

2026

Гладких В.

Адаптивный пожиратель 2 / В. Гладких — «Автор», 2026

Артём Савин почти добрался до горящего «Альтаира», но путь к кораблю проходит через древний город, живые механизмы и изменённых выживших. Дорога назад к людям под горой закрыта; чтобы доставить лекарства и найти выход, он должен идти вперёд. Его тело учится выживать, превращая добычу в защиту и энергию, однако сам «Альтаир» считает Савина биологической угрозой. Внутри корабля уже появился другой пожиратель — без его ограничений. Теперь Артёму предстоит выбрать: доказать, что он всё ещё человек, или стать чудовищем, способным спасти остальных.

Содержание

Пролог	5
Глава 1 — Обвал	9
Глава 2 — Охота	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Адаптивный пожиратель 2

Пролог

Эта планета не знала слова «человек».

Она знала падения звёзд, сезонные смерти лесов, медленное движение гор и города, которые строили поверх других городов, не разбирая, кто жил внизу. Знала дороги, проложенные по костям древних машин, и башни, чьи основания уходили глубже корней. Знала реки, которые меняли русло после каждого большого толчка, и существ, способных прожить столетие в каменной щели, ожидая, пока рядом снова появится тепло.

Но людей она не знала.

До того дня, когда небо разорвал «Альтаир».

Корабль вошёл в атмосферу не как гость и не как завоеватель. Он падал.

Сначала над облаками появился огонь. Потом пришёл звук — такой низкий, что стаи на равнинах легли на землю, а тонкие деревья в чёрных лесах закрыли ловчие чаши. Далёкие башни отозвались звоном. В подземных каналах остановилась вода. Даже те, кто никогда не смотрел вверх, почувствовали, как по воздуху прошла тяжёлая волна.

«Альтаир» ломался ещё в небе.

От него отделялись панели, контейнеры, капсулы и целые секции. Они падали на снег, в леса, на скалы и в руины, пережившие не одну цивилизацию. Некоторые исчезали в болотах. Другие пробивали крыши древних сооружений и будили то, что веками не получало ни света, ни пищи. Спасательные капсулы раскрывались среди чужих растений. Медицинские блоки горели рядом с гнёздами хищников. Человеческие сигналы уходили в пространство, а возвращались отражёнными от камня, металла и неизвестных механизмов.

Для выживших это было крушение.

Для мира — новая добыча.

В пепельной долине горел основной корпус.

Огонь не мог уничтожить его сразу. Обшивка выдержала межзвёздный холод, радиацию и разгон, рассчитанный на десятилетия полёта. Но корабль не проектировали для того, чтобы он лежал разорванным на чёрной земле под чужим небом.

Пламя входило через пробоины, гуляло по техническим каналам и выдыхалось наружу густым дымом. Где-то внутри ещё работали аварийные перегородки. Они закрывались перед огнём, открывались от короткого импульса, снова пытались защитить отсеки, в которых уже не осталось ни давления, ни света. На внешней поверхности мигали красные огни. Некоторые гасли навсегда. Другие продолжали повторять сигнал, не понимая, что спасательные службы остались за сотней световых лет.

К кораблю тянулись следы.

Широкие полозья резали пепел. Цепи волочились по камню. Тяжёлые существа в закрытых масках подходили к обшивке, вгоняли в неё крюки и оттаскивали наружные пластины. Они не знали, что такое колонизационный корабль. Не знали, сколько поколений людей вложили труд в его создание. Для них белый металл был редким материалом, прозрачные панели — дорогой находкой, а уцелевшие кабели — жилами, которые можно вырвать из мёртвого небесного зверя.

Они работали давно.

У подножия корпуса уже выросли навесы. Между стойками висели связки разобранных деталей. В земле стояли вбитые рельсы, прежде служившие внутренними направляющими. Из корабельных листов собирали высокую конструкцию, похожую одновременно на башню и

клетку. Её назначение было непонятно даже тем, кто тащил к ней новые куски: каждый выполнял свою часть, получая приказы знаками, ударами и цветными метками.

Иногда из глубины корабля доносился человеческий сигнал.

Тогда работа на мгновение замирала.

Существа поворачивали головы. Некоторые прижимали ладони к металлическим стойкам, чувствуя вибрацию. Другие выпускали из масок тонкие чувствительные нити. После этого к источнику сигнала отправлялись охотники.

Они уже научились, что там, где звучит короткая последовательность человеческих импульсов, можно найти тёплое тело, целый контейнер или работающий прибор.

Они не понимали человеческой речи.

Им было достаточно того, что она выдавала направление.

Далеко от долины, в лесу, лежала спасательная капсула. Её корпус треснул при падении, но крышка не раскрылась. Внутри спал человек, удерживаемый остатками медицинского сна. На прозрачной панели росла плёнка спор. Снаружи к металлу медленно тянулись тонкие корни.

Ещё дальше другая капсула уже была пустой.

След от неё уходил к старой дороге. На снегу виднелись пятна крови, следы волочения и отпечатки ног, не принадлежавших человеку. Аварийный маяк продолжал мигать под слоем грязи, посылая сигнал каждому, кто научился его замечать.

В горах одиннадцать людей прятались в тоннеле.

Они не знали, что основной корпус нашли и начали разбирать. Не знали, сколько капсул достигло поверхности. Не знали, кто ещё выжил после падения. Их мир сузился до каменных стен, воды, боли и дыхания женщины, которой становилось хуже.

Один из мужчин прислушивался к проходу чаще остальных.

Он ждал шагов.

Иногда камень приносил далёкий стук. Иногда вода капала так ровно, что звук становился похож на движение. Каждый раз люди поднимали головы. Каждый раз тишина возвращалась.

Тот, кого они ждали, был далеко.

Мир между ним и тоннелем не оставался неподвижным.

По склонам шли местные охотники. Они двигались тройками, не разговаривали и ставили широкие ступни только на камень. На поясах у них висели короткие крюки и пластины, реагирующие на слабые колебания. Один нёс обломок человеческого прибора, превращённый в приманку. При каждом аварийном импульсе пластина на его груди теплилась бледным светом.

Охотники шли не за конкретным человеком.

Они шли туда, где гора отвечала на сигнал.

Под снегом просыпались другие существа. Мелкие, почти прозрачные, они выбирались из трещин и ползли к тёплым местам. Крупные хищники держались дальше от дыма, но уже запоминали новые запахи: пластик, кровь, масло, человеческий пот. В чёрном лесу живые ловушки раскрывали чаши навстречу теплу. В пещерах слепые звери поворачивались к незнакомым вибрациям.

Падение корабля не создало эту жестокость.

Оно только дало ей новое направление.

Под древними дорогами продолжали работать механизмы, назначения которых никто уже не помнил. Вода проходила через каменные камеры. Тяжёлые колёса поворачивались на четверть оборота и снова замирали. В разрушенных храмах пустые каналы ждали кровь. В глубине шахт металлические конструкции отвечали на шаги звоном.

Ещё ниже лежали слои, к которым не вели целые проходы.

Там камень был старше дорог, городов и тех, кто оставил первые знаки на стенах. Давление спрессовало породу так плотно, что вода искала путь десятилетиями. Иногда в глубине что-то смещалось. Гора принимала движение, распределяла его по трещинам и снова успокаивалась.

В ночь после падения «Альтаира» она не успокоилась.

Первый толчок прошёл глубоко.

Его не слышали у корабля. Там цепи били по корпусу, горел пластик и рушились внутренние перегородки. Не почувствовали его и в чёрном лесу: корни гасили движение земли мягкими слоями.

Но в горных тоннелях вода дрогнула.

Со свода посыпалась пыль. Старый каменный канал открылся на ширину пальца. В ледяной полости лопнула перегородка, удерживавшая воду много лет.

Подземные механизмы ответили не звуком, а движением.

Одна створка закрылась.

Другая, напротив, приоткрылась.

В давно пустой камере по стене прошла полоска тусклого света и погасла.

Причину толчка нельзя было увидеть с поверхности. Возможно, глубинный пласт не выдержал новых нагрузок. Возможно, падение корабля нарушило равновесие древних сооружений. Возможно, в темноте сдвинулось нечто, для чего человеческое крушение было лишь слабым далёким ударом.

Мир не объяснял своих причин.

Он показывал только последствия.

На одном из горных гребней стоял человек.

Издали его можно было принять за обгоревший ствол, который чудом удержался среди снега. Одежда была разорвана и почернела. Одна нога была стянута кабелем. На предплечьях засохла кровь. Из ладоней выходили короткие светлые жгуты и цеплялись за камень.

Человек смотрел вниз.

Там, за дымом, горел корабль, который должен был стать первым человеческим городом на новой планете.

Он видел лишь часть корпуса. Белая обшивка появлялась между клубами дыма и снова исчезала. Красный аварийный огонь мигал над разломом. По склону к кораблю тянулись цепи и следы полозьев.

Человек уже понял главное.

До «Альтаира» добрались раньше него.

Под его одеждой лежали медицинские ампулы. Они предназначались не ему. В верхнем тоннеле ждала женщина, потерявшая слишком много крови. Рядом с ней оставались другие выжившие — первые и единственные люди этого мира, кроме тех, кого ещё можно было найти среди обломков.

Артём Савин стоял неподвижно, пока дым снова не закрыл корабль.

Красный огонь мигнул.

Гора под ногами дрогнула.

Толчок прошёл через подошвы, повреждённую голень и корни, вцепившиеся в камень. Савин замер. В глубине пришёл второй удар — медленный и тяжёлый.

Он не знал, что сдвинулось под горой.

Не знал, что вода уже нашла новую трещину.

Не знал, что трое охотников повернули к слабому сигналу в камне.

Он знал только, что Лада ждала лекарство, а люди — его возвращения.

Савин отвернулся от горящего «Альтаира» и пошёл обратно к тоннелю.

За его спиной корабль продолжал гореть.

Под ногами гора готовилась обвалиться.
<empty-block/>

Глава 1 — Обвал

К тоннелю я вернулся уже в темноте.

Не в той полной, честной темноте, которая приходит вместе с ночью, а в серой горной мгле, где снег ещё различался под ногами, а камни сливались в одну неровную стену. Красное зарево «Альтаира» осталось за хребтом, но дым продолжал тянуться следом. Он садился на снег чёрной пылью и забивал горло запахом сгоревшей изоляции.

Я шёл медленно. Не потому что стал осторожнее. Просто левая нога решила, что на сегодня с неё достаточно подвигов.

Кабель всё ещё стягивал голень, не позволяя внутренней костной перемычке расходиться при каждом шаге. Без еды и воды регенерация могла только удерживать старое сращение. Делать новую кость и мышцы из пустого воздуха она не умела. Правая икра ныла после спуска. Под рёбрами перекатывалась тупая боль, а узкий противоударный медицинский футляр с тремя ампулами, прижатый к животу, напоминал, зачем я вообще повернул назад.

Лада ждала лекарство.

Остальные ждали меня.

Я обещал вывести их из горы.

Обещания на этой планете вообще отличались удивительной живучестью. Люди умирали, оружие ломалось, корабли падали, а обещание продолжало висеть на шее и становилось тяжелее с каждым километром.

Вход в тоннель показался между двумя чёрными выступами. Узкая щель, из которой тянуло теплее, чем снаружи. Когда я уходил, над ней висела длинная ледяная бахрома. Теперь половина сосулек лежала в снегу, а на камне появилась свежая светлая полоса.

Я остановился.

Правый корень вышел из ладони и лёг на стену. Касание больше не причиняло боли. Он был частью меня — как пальцы, только длиннее, чувствительнее к влаге и способный находить щели там, куда ладонь не пролезала. Я провёл концом по свежему сколу.

Камень дрожал.

Не сильно. Под подошвами я почти ничего не чувствовал. Через корень шли мелкие частые колебания, словно где-то глубже по породе сыпался песок.

Я посмотрел на вход.

— Конечно, — сказал я. — Было бы странно, если бы хоть один маршрут дождался меня целым.

Ответом стал тихий хруст.

С потолка сорвалась крошка льда. Я отступил, прикрыл ладонью медицинский футляр и подождал. Гора успокоилась.

Ненадолго, как выяснилось.

Я вошёл боком. Первые метры прохода оставались прежними: тёмный камень, неровный пол, следы моих ботинок, замёрзшие потёки на стенах. Дальше тоннель делал поворот. Там, где раньше можно было идти в полный рост, теперь нависала плита. Она опустилась одним краем и держалась на трёх обломках размером с кулак.

Под плитой оставалось достаточно места, чтобы проползти.

Для человека.

Для человека, который не носил внутри себя лишние органы, не берег футляр со стеклянными ампулами и не имел привычки попадать под всё, что могло рухнуть.

Я лёг на живот. Правый корень ушёл вперёд и обхватил выступ. Левый прошёл вдоль потолка, проверяя трещины. Он чувствовал холодную влагу, острые края и слабое давление

камня. Ещё в шахтах я различал только грубое: пустота, удар, движение. Сейчас сигналы складывались точнее. Я понимал, какой обломок просто лежал, а какой держал вес всей плиты.

Полезное открытие.

Особенно когда лежишь под этой плитой.

Я продвинулся на локтях. Кабель на голени зацепился за выступ. Нога дёрнулась, внутри кости вспыхнуло. Я прикусил язык и медленно освободил петлю.

Плита над спиной издала сухой щелчок.

Я замер.

Левый корень распластался по потолку. Через него пришла сеть мелких напряжений. Трещина уходила от опорного камня вверх и вправо, к старому ледяному шву. Если выбить нижний обломок, плита упадёт. Если перенести вес на правый край, возможно, продержится.

Возможно.

План был великолепный. Не хватало только второго варианта и человека, которому можно было оставить завешание.

Я перенёс правую ладонь дальше, подтянул грудь, затем осторожно протащил таз. Плита опустилась ещё на палец. Камень прижал куртку между лопаток.

Я не дёрнулся.

Правый корень натянулся, принимая часть веса тела. Левый упёрся в край плиты и не толкал — удерживал от бокового смещения. Волокна задрожали. Не от страха. Мои органы пока ещё не научились переживать отдельно от меня.

Я выдохнул, сделал короткий рывок и выскользнул.

Плита рухнула сразу за пятками.

Удар прокатился по тоннелю. Воздух толкнул в спину. Каменная пыль накрыла голову, забила в рот и глаза. Я перекатился на бок, прижимая локоть к животу, и услышал, как за плитой осыпаются мелкие обломки.

Назад тем же путём я уже не выйду.

Впрочем, я и не собирался возвращаться, пока не передам лекарство.

Я поднялся на колени. Корни ощупали завал. Плита легла плотно, но сбоку осталась щель. Через неё проходил воздух. Если тоннель дальше был цел, выбраться наружу можно было другим путём — через верхнюю трещину, которой пользовались Звонари, или через старый служебный ход.

Я двинулся вперёд.

Через двадцать шагов стало ясно, что гора решила не ограничиваться одной неприятностью.

Пол уходил вниз и был покрыт водой.

Тонкая плёнка раньше стекала вдоль стены и исчезала в щели. Теперь вода доходила до щиколоток. Она шла навстречу, мутная от каменной пыли, с мелкими льдинками. Каждый шаг превращал ботинки в два холодных ведра. Кожа на ногах сжалась, а разделяющие камеры под рёбрами отозвались голодным спазмом, будто организм решил: раз вокруг столько воды, неплохо было бы её выпить.

Пить я не стал.

После горного ручья мне уже хватило опыта. Вода могла быть чистой, ядовитой или содержать что-нибудь, что считало человеческие внутренности удобным домом. Ресурсная сеть стала лучше фильтровать дрянь, но проверять её пределы перед встречей с Ладой было бы глупо.

Я коснулся воды концом корня.

Холод ударил до запястья. Влага была почти пресной. В ней чувствовались минералы, каменная взвесь и слабый органический след — что-то мелкое жило подо льдом и теперь его перемололо обвалом.

Можно было рискнуть несколькими глотками позже.

Сначала люди.

Дальше тоннель расширился. На стене сохранилась отметина, которую я оставил кабелем: две царапины и стрелка к верхнему ходу. Я провёл по ней пальцами. Отсюда до Лады оставалось меньше часа, если проход не изменился.

Я сделал ещё шаг.

Гора ударила снизу.

Не тот медленный толчок, который я почувствовал на гребне. Этот был резким. Пол поднялся под ногой и ушёл в сторону. Я врезался плечом в стену. В глубине что-то лопнуло с таким звуком, будто разломали огромную кость.

Корни выбросились сами — не по собственной воле, а по моей реакции. Правый обхватил выступ. Левый вцепился в трещину.

Потолок пошёл вниз.

Камни посыпались впереди. Первый ударился о воду и раскололся. Второй попал мне в плечо. Руку обожгло до пальцев. Третий прошёл рядом с головой.

Я рванул назад.

Левая нога подвернулась. Кабель удержал кость, но не сустав. Колено ударилось о дно. Ледяная вода поднялась до груди. Воздух вышибло из лёгких.

Впереди обрушилась стена.

Не отдельная плита. Весь участок тоннеля сложился внутрь. Камни ударили один за другим, перекрывая проход. Из потолка вырвался белый поток. Ледяная вода хлынула через разрыв и понесла обломки на меня.

Я прижался спиной к стене. Корни натянулись, удерживая тело. Поток бил в грудь, в лицо, пытался выдернуть ноги. Противоударный футляр под одеждой застучал о рёбра.

Я прикрыл его ладонью.

Очень разумный поступок. Особенно с учётом того, что голова оставалась снаружи.

Вода поднялась до подбородка.

Я нащупал левым корнем трещину выше и подтянулся. Пальцы скользили по мокрому камню. Правое плечо не слушалось после удара. Пришлось включить перегрузку.

Не полностью.

Один короткий толчок крови.

Сосудистые камеры у сердца сжались. Мир стал резче. Боль отступила на шаг, мышцы налились горячей тяжестью. Я вырвал колено из потока, поставил ботинок на выступ и поднялся выше.

В ту же секунду корень справа дёрнуло.

Каменная кромка рассекла его почти до половины. Боль прошла ладонь, предплечье и плечо одной белой линией. Волокна ослабли.

Я перебросил вес на левый корень и втиснулся в боковую нишу. Поток пронёс мимо камень размером с голову. Он ударился о стену там, где секунду назад была моя грудь.

Перегрузка закончилась.

Сердце продолжало бить слишком быстро. В глазах потемнело. Тело потребовало воду, соль и мясо — желательно всё сразу и в количестве, которого в горе не существовало.

Я сидел в нише, пока поток не опустился до пояса.

Впереди тоннеля больше не было.

Была мокрая груда камней, льда и чёрной земли. Вода просачивалась между ними, вспениваясь в щелях. Некоторые глыбы продолжали двигаться. Над завалом висел расколотый пласт. Корни чувствовали его вес даже на расстоянии.

За ним находились Лада и остальные.

Я выбрался из ниши.

Правый корень висел из ладони надрезанным жгутом. Края раны расходились, выпускали тёмную кровь и прозрачный сок. Ладони были содраны. Под ногтями застрял каменный песок. Правое плечо двигалось, но каждый подъём руки отзывался тупым ударом.

Ничего смертельного.

Пока.

Я подошёл к завалу и прижал левую ладонь к камню.

— Лада! — крикнул я.

Голос утонул в воде.

Я позвал снова. Потом назвал инженера, хотя так и не знал, слышит ли он через десятки метров породы. Ответа не было.

Только движение воды.

Я ударил по камню рукоятью металлического обломка, который нашёл у стены.

Три раза.

Пауза.

Ещё три.

Сигнал поиска. Простой, человеческий. Не потому что вся экспедиция учила одинаковые коды, а потому что даже напуганный человек понимает повтор.

Я приложил ухо к плите.

Сначала слышал собственную кровь.

Потом воду.

Потом — удар.

Один.

Очень слабый.

Я перестал дышать.

Удар повторился. Далеко, за завалом. Не камень. Слишком ровный.

Кто-то был жив.

Я ответил тремя ударами.

С той стороны пришли два. Пауза. Ещё два.

Не язык. Не сообщение. Просто подтверждение.

Мы слышали друг друга.

Этого хватило, чтобы я начал разбирать завал руками.

Первый камень сдвинулся легко. Второй пришлось выломать корнем. Третий держал мелкую осыпь. Я укрепил его левым корнем, правой рукой выгреб песок и осторожно вытащил.

Сверху посыпалась крошка.

Я остановился, дождался тишины и продолжил.

Работать в воде было хуже, чем в земле. Каждый освобождённый промежуток тут же заполнялся мутным потоком. Пальцы немели. Камни выскальзывали. Я резал ладони о края и не чувствовал этого, пока вода не становилась вокруг темнее.

Корни помогали.

Левый проходил глубже, обвивал камень и тянул. Правый, повреждённый, мог только ощупывать щели. Через него я различал давление точнее, чем раньше: где глыба зажата, где лежит свободно, где над ней висит пустота. Организм учился прямо во время работы. Не дарил мне новый чудесный навык. Просто соединял то, что уже было: вибрации, давление, память о падениях, форму трещины.

Я вытащил ещё два камня.

За ними открылась чёрная щель шириной в ладонь. Из неё пришёл воздух — тёплый, влажный, с запахом дыма, крови и человеческого пота.

— Слышите меня? — крикнул я в неё.

Ответом стал не голос. По камню снова ударили.

Ближе.

Я засунул левый корень в щель. Волокна прошли на два метра, потом упёрлись в новую плиту. Между обломками оставались пустоты, но человеку через них не пройти. Вода шла сверху и уходила вниз, к людям.

Плохо.

Если поток усилится, их затопит.

Я продолжил.

Следующий камень весил больше меня. Он лежал под углом и подпирал потолочную плиту. Я ощупал его со всех сторон. Слева оставалась щель. Справа — слой мелкой породы. Можно было вымыть песок, завести корни глубже и повернуть глыбу.

Я знал, что это опасно.

Но за ней были люди.

Я упёрся ногами в стену. Оба корня обхватили камень. Повреждённый правый дрожал, но держался. Я натянул их и начал тянуть.

Глыба сдвинулась на палец.

Сверху что-то хрустнуло.

Я замер.

Корни передали движение дальше, чем прежде. Не только ближайшая плита. Трещина побежала вверх по пласту, пересекла ледяной шов и ушла вглубь. Там лежала вода. Много воды. Давление распирало гору изнутри.

Если я поверну глыбу, потолок опустится.

Возможно, только здесь.

Возможно, на всей длине верхнего тоннеля.

Я ослабил натяжение.

С другой стороны ударили по камню.

Два раза.

Пауза.

Ещё два.

Я снова потянул.

Глыба качнулась. С потолка упал кусок размером с кулак и разбился у колена. За ним потекла новая струя.

Корни чувствовали, как пласт над нами начинает скользить.

Ещё немного — и проход откроется.

Ещё немного — и гора закроет всё окончательно.

Я вспомнил клетку у колодца. Ладу, лежавшую на металлическом полу. Инженера, который держал её голову. Остальных, которых я вытащил из храма не потому, что был добрым, а потому, что иначе перестал бы понимать, кто я такой.

Я обещал вывести их.

Сейчас обещание толкало меня тянуть сильнее.

Опыт говорил отпустить.

Ненавижу моменты, когда опыт оказывается прав.

Я медленно расслабил корни.

Глыба вернулась на место.

Сверху ещё минуту сыпался песок. Потом трещины замерли.

Я сел прямо в воду.

С той стороны снова ударили.

Я не ответил сразу.

Ладони горели. Повреждённый корень сокращался короткими спазмами, втягивая разорванные волокна. Ресурсная сеть пыталась закрыть раны, но ей не хватало материала. Живот свело голодом. По рукам прошла дрожь.

Вода принесла что-то светлое.

Маленькое существо ударилось о мой ботинок и застряло между камнями. Длинной с ладонь, плоское, почти прозрачное. Шесть коротких лап цеплялись за дно, а круглый рот раскрывался и закрывался беззвучно. Обвал вымыл его из ледяной полости.

Я поймал его левой рукой.

Существо попыталось прокусить перчатку мелкими зубами.

— Взаимно, — сказал я.

Корень вошёл под мягкую пластину на брюхе.

Поглощение было быстрым. Тёплая жижа прошла по каналам в ладонь: в существе оказалось больше воды, чем мяса, немного солей и жира. Тело не нашло в нём ничего необычного и просто пустило добычу на ремонт. Сейчас этого было достаточно.

Жар разошёлся от ладоней к предплечьям. Края порезов стянулись. Разорванные волокна правого корня соединились короткими влажными нитями. Боль не исчезла, но перестала быть острой. Тупая тяжесть под рёбрами тоже ослабла. Почти всё питание ушло на ремонт, поэтому желудок остался таким же пустым.

Я поймал ещё двух мелких тварей, которых вынесло потоком. Вторая была уже мёртвой. Третья попыталась уйти под камень. Через минуту от них остались сухие прозрачные пластинки.

Ладони закрылись грубыми красными полосами.

Правый корень снова мог держать вес, хотя стал короче на несколько пальцев.

Я прижал оба корня к завалу и ещё раз изучил напряжение в камне.

Теперь сигналы были чище.

Левый чувствовал основной вес. Правый различал мелкие трещины вокруг. Вместе они складывали объёмную картину: плита над нами, ледяная линза выше, водяной карман, уходящий к старому разлому. Давление росло с каждым толчком.

Пробиваться здесь было нельзя.

Не трудно.

Не долго.

Нельзя.

Следующая попытка могла не просто завалить меня. Она могла раздавить людей с другой стороны или пустить к ним весь ледяной карман.

Я ударил по камню три раза.

Потом ещё один.

Пауза.

Повторил.

Не существовало кода для фразы «я рядом, но если продолжу, убью вас». Пришлось надеяться, что ритм хотя бы скажет: я жив и не ушёл молча.

Ответ пришёл через несколько секунд.

Один удар.

Потом второй.

Я достал ампулы.

Стекло было целым. Две тонкие ёмкости с кровезаменителем и одна с концентратом для стабилизации давления. Недостаточно, чтобы исправить всё. Одна ампула могла удержать давление и выиграть Ладе время. Сколько именно — я не знал.

Главная щель не пропускала контейнер. Я провёл корнем вправо и нашёл узкий боковой канал. Он уходил вниз, огибал плиту и соединялся с пустотой за завалом. Для руки слишком тесно. Для корня — достаточно.

Я снял одну ампулу, обернул её полосой ткани и закрепил в петле на конце левого корня. — Только не разбей, — сказал я собственной руке.

Глупая просьба. Зато привычная.

Корень прошёл в щель. Камень царапал волокна. Я двигал медленно, чувствуя каждый изгиб. Один раз ампула застряла между острыми краями. Пришлось вернуть её, изменить петлю и попробовать снова.

На втором заходе канал пошёл вниз.

Корень вытянулся почти полностью. Конец коснулся сухой поверхности за плитой. Рядом было пустое пространство размером с кулак. Дальше — ещё одна щель, слишком узкая даже для волокон.

Я оставил ампулу в сухом кармане и несколько раз постучал концом по камню рядом. Две оставшиеся снова защёлкнул в противоударных ячейках.

С другой стороны ответили.

Они слышали место.

Хорошо.

Теперь метка.

Я нашёл плоский кусок человеческой обшивки, застрявший в наносах. На белой поверхности ещё виднелась часть технической разметки. Острым краем камня выцарапал крупную стрелку к боковой щели и три буквы:

МЕД.

Ниже добавил стандартный знак направления из аварийных инструкций — треугольник с разорванной стороной. Затем стрелку вниз, к выходу из горы, и фамилию:

САВИН.

Места не хватило. Получилось криво. Но человеческий глаз поймёт.

Пластину я протолкнул в главный зазор до тех пор, пока она не застряла лицом к людям. Если они расширят щель хотя бы на несколько сантиметров, увидят.

Я постучал снова.

Три удара.

Пауза.

Два.

Ответили тем же.

У меня оставались две ампулы, повреждённый тоннель и обещание, которое я не мог выполнить сегодня.

Я сидел перед завалом дольше, чем требовалось.

Вода остывала вокруг ног. Или это остывал я. За камнем кто-то ещё раз ударил, но слабее. Возможно, устал. Возможно, Лада была не рядом. Возможно, вообще отвечал не человек, а кусок механизма, который качало водой.

Нет.

Я знал ритм.

Там были люди.

И я уходил от них.

Не бросал. Это слово я не позволил себе использовать. Я не мог пробиться через завал, не обрушив тоннель. Мне нужны были инструменты, еда, вода и другой маршрут. Всё это находилось в долине. У «Альтаира». Среди местных, которые резали наш корабль на части.

Логика была безупречной.

От этого становилось только хуже.

Я поднялся.

Правое плечо уже слушалось лучше. Регенерация закрыла мелкие разрывы, но забрала последние запасы. Кожа на лице горела от холода. В ботинках плескалась вода. Левая голень держалась за счёт кабеля и упрямства, причём кабель выглядел надёжнее.

Я прижал ладонь к завалу.

— Я вернусь, — сказал я.

На этот раз не кричал.

Камень всё равно не передал бы слов.

Я ударил три раза и пошёл назад.

До упавшей плиты добрался медленнее. Вода продолжала прибывать. Пришлось подняться в боковую трещину, обойти завал сверху и спуститься по мокрой стене. Корни работали увереннее. Они находили опору до того, как я переносил вес, чувствовали пустоту под каменной коркой и обходили рыхлые участки.

Небольшое улучшение.

Не подарок.

Результат того, что я снова едва не оказался погребён заживо.

Организм вообще отличался отвратительной педагогикой.

У входа я остановился.

Горный воздух ударил в лицо, пахнул снегом и дымом. За спиной вода шумела в тоннеле. Где-то глубже гора снова издала низкий треск.

Я осмотрел склон.

Вернуться к людям сверху было невозможно. Верхняя стена уходила почти отвесно, а после толчков по ней уже ползли снежные доски. Попытка обойти гребень займёт дни и приведёт к тому же разлому. Нижний служебный ход, если он существовал, должен был выходить к долине.

Корабль находился там же.

Единственный путь шёл вниз.

Я поправил ампулы под одеждой, затянул кабель на голени и сделал шаг из тоннеля.

На снегу лежал след.

Не мой.

Длинный отпечаток с четырьмя узкими пальцами и глубоким уколом посередине, будто существо опиралось на костяной шип. Рядом тянулась вторая цепочка. Потом третья.

Следы поднимались снизу к входу.

Я опустил на колено и коснулся края отпечатка.

Снег ещё не успел затвердеть.

Они прошли недавно.

Не звери. Шаг был слишком ровным, расстояние между отпечатками почти одинаковым. Один из пришедших останавливался у камня, второй обходил вход справа. На чёрной корке снега осталась тонкая царапина от длинного предмета.

Оружие или шест.

Следопыты.

Я посмотрел на тёмную щель тоннеля.

Они шли к завалу.

К людям.

Вниз, за изгибом склона, хрустнул снег.

Я медленно поднялся.

Уходить просто вниз уже было поздно.

Сначала нужно было сделать так, чтобы чужие следы пошли за мной.

Глава 2 — Охота

Следы шли к завалу.

Я присел на краю снежной полосы и коснулся ближайшего отпечатка пальцами. Широкая ступня продавила наст почти до камня. Пять коротких выступов расходились веером, а по центру тянулась узкая борозда, будто подошву пересекал твёрдый гребень.

След был свежим.

Снег по краям ещё не успел осыпаться. На дне блестела вода, выжатая тяжёлой ногой и сразу схваченная морозом. Следующие отпечатки уходили вверх, к тоннелю, где за камнями оставались Лада и остальные.

Я поднял голову.

Склон был пуст. Серые скалы, грязный снег, тонкие языки тумана. Ветер тянул пепел с долины и быстро стирал запахи, но не мог скрыть то, что проходило через камень.

Я прижал правый корень к породе.

Сначала слышал только воду. Она двигалась внутри горы длинным неровным шорохом. Потом пришёл слабый двойной удар. Пауза. Ещё один.

Шаги.

Не человеческие. Слишком тяжёлые и слишком редкие. Два источника шли выше по склону, иногда расходились, затем снова сходились. Один держался ближе к каменной стене. Второй двигался по снегу и каждые несколько десятков шагов останавливался.

Я почувствовал короткую дрожь, похожую на касание металлической пластины к камню.

Они проверяли направление.

До входа им оставалось меньше получаса. Возможно, меньше. После обвала гора проводила звук хуже: трещины дробили колебания, вода глушила часть ударов. Но ждать, пока следопыты подойдут ближе, было нельзя.

Я посмотрел на завал.

Вернуться внутрь я не мог. Предупредить людей — тоже. Даже если они услышат удары снаружи, они не поймут, что к ним идёт охота. Если начнут двигаться или отвечать по камню, только помогут тем, кто их ищет.

Значит, следопыты не должны были дойти до входа. Охота просто развернулась в обе стороны.

Плечо ныло после обвала. Левая голень держалась на внутренней перемычке и кабельной петле. Правый корень после регенерации стал чуть короче, а запас внутри тела напоминал пустой мешок, из которого уже вытрясли всё полезное.

Против двух разумных противников я располагал мокрой одеждой, двумя ампулами и характером, который давно следовало признать медицинским осложнением.

Я снял перчатку.

Свежий рубец пересекал ладонь от основания большого пальца к запястью. Кожа уже стянулась, но под ней оставались горячие, рыхлые ткани. Я провёл ногтем по краю раны.

Боль была резкой и чистой.

Кровь выступила сразу.

Тело отозвалось голодом. Разделяющие камеры сжались под рёбрами. Корень у ладони дёрнулся вслед за мышцами, но я удержал его и размазал кровь по ледяной стене.

Тонкая красная полоса потянулась вниз по склону.

Не слишком много. Достаточно, чтобы запах сохранился под ветром и был замечен существу, которое умело искать тёплую добычу. Я оставил ещё несколько капель на снегу, затем пошёл в сторону от тоннеля, выбирая каменные участки.

Каждые десять шагов правый корень бил по породе.

Не сильно. Два удара, пауза, ещё один. Неровный ритм уставшего человека, который цепляется за стену и пытается уйти. Если следопыты чувствовали вибрации так же хорошо, как показывали их остановки, они должны были заметить новый, близкий источник.

Через несколько минут ответ изменился.

Шаги замерли.

Я лёг на снег и прижал ладонь к плите.

Один из следопытов ударил по камню. Не ногой. Чем-то твёрдым и полым. Колебание прошло через склон и вернулось слабым эхом от трещин.

Потом оба повернули.

Они пошли по моему следу.

Я выдохнул.

Первая часть плана сработала. Обычно именно в этот момент план начинал мстить за излишнюю самоуверенность.

Ниже склон рассекала ледяная ложбина. Летом по ней, вероятно, шла вода. Сейчас поток замёрз неровными волнами между чёрными стенами. В центре лёд провалился, открывая узкий разлом. Тёмная щель уходила вниз так глубоко, что я не слышал дна.

Место подходило.

Ложбина сужалась перед разломом. Слева нависал ледяной карниз. Справа каменная стенка поднималась уступами. Если заставить одного противника войти снизу, а самому держаться у карниза, можно было обрушить лёд ему под ноги.

Если лёд обрушится.

Если противник пойдёт туда, куда мне нужно.

Если второй вежливо подождёт своей очереди.

Слишком много «если». Значит, это был настоящий план, а не мечта.

Я спустился в ложбину и изучил лёд корнями. После обвала камень ощущался иначе. Я различал не только твёрдую поверхность, но и слабые линии под ней. В ледяном карнизе шли три длинные трещины. Две заканчивались у стены. Третья уходила под снежную корку к самому разлому.

Я нашёл точку, где тонкий слой держался на одном замёрзшем ребре.

Удар туда мог обрушить край.

Но стоять рядом было опасно. Если карниз пойдёт не вниз, а вдоль трещины, я полечу вместе с противником.

Я закрепил левый корень в щели над разломом. Правый протянул к ледяному ребру и лёг на него, не повреждая. Потом поднялся на противоположный склон и оставил на стене ещё один кровавый мазок.

След заканчивался у разлома.

Я спрятался за выступом выше.

Ждать пришлось недолго.

Сначала пришла вибрация. Чётче, чем раньше. Каждый шаг отдавался в подошвах слабым толчком, а через корень я различал перенос веса. Первый следопыт двигался тяжело и ровно. Второй шёл легче, иногда касался стены длинным предметом.

Потом я их увидел.

Они были ниже человека, но шире в плечах. Короткие туловища закрывали пластины серого материала, похожего на кость, пропитанную металлом. Головы прятались под вытянутыми масками без глазных прорезей. От висков масок отходили тонкие дуги, касавшиеся воротников.

Передний нес длинный крюк. Не копьё: конец оружия изгибался назад и был заточен с внутренней стороны. Второй держал короткую рукоять, от которой к поясу уходила свёрнутая цепь.

Они не разговаривали.

Передний остановился у первой капли крови и прижал свободную ладонь к снегу. Пальцы были длиннее, чем следовало ожидать по отпечаткам ног, и состояли из четырёх толстых суставов. Кожа между пластинами на руке меняла цвет: серый стал тёмно-синим, затем вернулся обратно.

Второй коснулся металлической пластинки на груди. Та мигнула слабым белым светом.

Свет был мне знаком.

Не сам прибор — принцип. Аварийный индикатор человеческой техники использовал похожую частоту мигания: короткий импульс, пауза, проверка ответа. Местные встроили самый надёжный блок в своё снаряжение. Они не понимали сообщения, но научились идти на источник.

Пластика светилась в сторону тоннеля.

Потом передний увидел кровь на стене.

Он ударил крюком по льду.

Второй повернул голову. Маска издала тихий сухой шелчок. Пластика на груди качнулась в мою сторону, но свет не усилился. Моё тело не излучало аварийный сигнал. Зато кровь и вибрации были ближе.

Кожа на шее переднего потемнела.

Он пошёл в ложбину.

Второй остался у входа.

Я не двигался.

Передний дошёл до мазка на стене, присел и коснулся его пальцем. Под маской что-то втянуло воздух. Звук был влажным, как работа маленького насоса.

Он поднял крюк.

И посмотрел прямо на мой выступ.

Я понял ошибку слишком поздно.

Кровь на стене была тёплой, когда я её оставлял. Теперь она остыла. Следопыт видел не меня. Он видел, что след закончился неправильно: человек, потерявший кровь, не мог исчезнуть на вертикальной стене.

Крюк ударил по выступу.

Камень раскололся рядом с лицом.

Я отшатнулся. Второй следопыт мгновенно выбросил цепь.

Она прошла над ложбиной и обвилась вокруг каменного зуба выше меня. На конце висел трёхлапый груз. Цепь натянулась. Второй противник не собирался ждать внизу. Он пошёл в обход по стене.

План не просто заметили.

Им воспользовались.

Передний рванулся вверх. Его ноги работали коротко, но мощно. Центральный гребень на подошве цеплялся за лёд, не давая скользить. Крюк вонзался в трещины и вытягивал тяжёлое тело следом.

Я метнул правый корень в его запястье.

Следопыт повернул руку. Корень обвился вокруг костяной пластины. Я дёрнул, рассчитывая сбить его назад.

Он оказался тяжелее.

Меня сорвало с выступа.

Я упал на склон, ударился бедром и скользнул к разлому. Левый корень натянулся в креплении. В запястье вспыхнула боль. Передний не отпустил. Он потянул меня к себе, одновременно поднимая крюк.

Я выпустил корень.

Слишком поздно.

Внутренний край крюка прошёл по предплечью. Плотная кожа выдержала первый контакт, но лезвие зацепило мягкое место у локтя и распорол его до мышцы.

Кровь брызнула на лёд.

Следопыт рванул оружие назад, пытаясь расширить рану.

Я ударил ногой в древко.

Левая голень отозвалась хрустом. Крюк вышел из ткани, сняв полосу кожи. Я перекатился, но противник уже поднялся выше и оказался между мной и выходом из ложбины.

Сверху звякнула цепь.

Второй шёл по стене. Его широкие ступни вставали на выступы, а цепь служила страховкой. Через несколько секунд он окажется у меня за спиной.

Первый ударил крюком по льду слева.

Не пытался попасть. Загонял.

Я отступил вправо.

Туда, где начинался разлом.

Ещё один удар. Лезвие высекло крошку у колена.

Следопыт видел трещину. Возможно, чувствовал её подошвами. Он не собирался заходить на слабый карниз. Он выталкивал туда меня.

Я поставил правую ногу на ледяную корку. Под ней откликнулась пустота.

До края оставалось четыре шага.

Сверху второй противник снял цепь с камня. Груз качнулся над головой.

Я снова ударил корнем по переднему, целясь не в руку, а в маску. Тот прикрылся крюком. Волокно обвилось вокруг древка.

Он потянул.

На этот раз я не сопротивлялся.

Сделал шаг к нему, резко сократив расстояние.левой ладонью ухватился за костяную пластину на груди. Под ней билось что-то быстрое и сильное. Не одно сердце — два отдельных толчка, немного несинхронных.

Следопыт ударил меня лбом.

Маска врезалась в скулу. В глазах стало бело. Я потерял захват и получил локтем в рёбра. Воздух вышел. Крюк развернулся у самого живота.

Я успел прижать древко предплечьем.

Лезвие вошло в бок.

Не глубоко. Плотная кожа задержала край, но противник навалился всем весом. Боль разрежала вдох. Я почувствовал, как металл медленно проходит между мышцами.

Сверху свистнул груз.

Я дёрнул голову. Трёхлапый наконечник ударил по плечу и пробил куртку. Одна лапа скользнула по кости, две застряли в ткани.

Цепь натянулась.

Второй следопыт потянул меня назад, к разлому.

Ситуация стала почти удобной. Оба противника наконец работали на один результат.

Просто результатом был я на дне.

Я включил перегрузку.

Сосудистые камеры у сердца и таза сжались одновременно. Горячая волна ударила в руки и ноги. Зрение сузилось. Сердце рванулось быстрее, чем дыхание успело подстроиться.

Я перестал отталкиваться от цепи.

Наоборот, шагнул назад.

Второй противник не ожидал, что сопротивление исчезнет. Цепь провисла на мгновение. Я обмотал её правым корнем, прижал к предплечью и резко рванул вниз.

Сверху раздался удар.

Второй следопыт потерял опору и упал на колено у края стены.

Передний отвлёкся на звук.

Этого хватило.

Я вогнал левый корень в трещину под его ногами. Не в плоть. В слабое ледяное ребро, которое нашёл заранее.

Корень упёрся.

Я дёрнул всё тело вправо и одновременно ударил пяткой по карнизу.

Лёд лопнул.

Трещина прошла от стены к разлому белой молнией. Передний следопыт попытался отскочить, но центральный гребень его подошвы, который так хорошо держал на льду, застрял в раскрывшемся шве.

Карниз ушёл вниз.

Противник упал на бок. Крюк вырвался из моей раны. Я схватил древко обеими руками и толкнул.

Перегрузка сожгла остаток запаса за несколько ударов сердца. Мышцы плеча затрещали. Правое колено подогнулось. Но следопыт уже лежал на движущейся плите.

Я толкнул ещё раз.

Его пальцы схватили край. Четырёхсуставная кисть сжалась на льду. Тело повисло над тёмной щелью.

На мгновение наши лица оказались рядом.

Я видел только гладкую маску и две тонкие дуги у висков. Под маской шёл быстрый влажный стук. Кожа на шее стала почти чёрной.

Страх.

Не человеческий по выражению. Но достаточно понятный.

Я ударил ногой по его пальцам.

Лёд раскололся.

Следопыт ушёл вниз вместе с плитой. Крюк ударился о стену, высек искры и исчез. Несколько секунд из разлома доносились удары. Потом всё стихло.

Перегрузка оборвалась.

Жар ушёл, оставив пустоту. Ноги задрожали. Рана в боку раскрылась шире, кровь потекла под одеждой. Цепь всё ещё тянула плечо назад.

Второй следопыт уже поднялся.

Он спрыгнул со стены.

Не вниз, где только что погиб первый. На узкий уступ справа, оказавшись выше меня. Цепь он намотал на предплечье и потянул. Лапы груза глубже вошли в плечо.

Я ударился спиной о камень.

Следопыт спрыгнул ещё раз, сокращая расстояние, и вытащил из пояса короткий клинок. Лезвие состояло из нескольких тёмных сегментов, соединённых гибкой жилой. При движении они сдвигались и снова становились прямыми.

Я попытался вырвать груз из плеча.

Не успел.

Клинок прошёл по груди. Плотная кожа остановила два сегмента, третий вошёл под ключицу. Следопыт повернул кисть. Лезвие изогнулось внутри раны.

Я ударил его головой.

Маска качнулась, но противник не отпустил. Его свободная рука схватила меня за горло. Четыре пальца сомкнулись почти полностью. Давление перекрыло воздух.

Корни ударили одновременно.

Левый обвился вокруг локтя с клинком. Правый пошёл к маске. Следопыт наклонил голову, и волокно соскользнуло по гладкой поверхности.

Он сильнее сжал пальцы.

В ушах загудело.

Я ткнул большим пальцем в мягкую ткань под его нижней челюстью. Нашёл щель между маской и воротником. Кожа там была горячей и влажной.

Следопыт дёрнулся.

Из щели вырвался тонкий отросток, похожий на язык без рта. Он обвил мой палец и сжал его.

Я не стал выдёргивать руку.

Правый корень скользнул вдоль пальца и вошёл под маску.

Противник замер.

Корень наткнулся на плотную мембрану, затем на пульсирующий мешок. Я не знал, был ли это орган дыхания, чувствительности или всё сразу. Знал только, что следопыт попытался отшатнуться.

Я удержал.

Левым корнем дёрнул его руку с клинком наружу. Сегменты прошли по мышце под ключицей, разрывая ткань, но освободились. Следопыт ударил коленом в живот. Разделяющие камеры сжались от боли.

Я врезал лбом в маску ещё раз.

По гладкой поверхности пошла трещина.

Внутри что-то пискнуло.

Не голос. Скорее воздух прошёл через повреждённую полость.

Следопыт отпустил моё горло и схватился за корень обеими руками. Его пальцы сжимали волокна так, что боль шла до локтя. Я почувствовал, как внешние слои начинают рваться.

Отступать было некуда.

Я прижал его к стене, всадил колено между коротких рёберных пластин и потянул корень глубже.

Мембрана лопнула.

Горячая жидкость ударила по ладони из-под маски. Следопыт выгнулся. Кожа на шее вспыхнула синим, затем побелела. Два удара под грудной пластиной сбились. Один остановился. Второй продолжал биться быстро и неровно.

Он ещё держал меня.

Я вырвал трёхлапый груз из плеча вместе с кусками ткани и вогнал одну лапу в трещину маски.

Первый удар расширил её.

Второй прошёл внутрь.

Тело противника обмякло не сразу. Пальцы ещё несколько секунд сжимали корень. Ноги скребли лёд. Потом второй внутренний ритм тоже остановился.

Я остался стоять только потому, что он был прижат к стене, а я — к нему.

Кровь текла из плеча, предплечья и бока. Из раны под ключицей при каждом вдохе выходил тёплый пузырь. Не лёгкое. Слишком высоко и поверхностно. Но мышца была разрезана глубоко.

Я сполз на колено.

Разлом рядом молчал.

Первый следопыт исчез вместе со своим телом. Добраться до него было невозможно. Второй лежал передо мной, ещё тёплый.

Разумное существо.

Не человек.

Эта разница уже не давала прежнего облегчения.

Я снял с него маску.

Она держалась на четырёх зажимах у шеи. Под ней не было лица в человеческом смысле. Верх головы закрывала гладкая тёмная кожа. Глаз я не увидел. По бокам располагались два глубоких овальных углубления, натянутых прозрачной плёнкой. Под ними дрожали веера тонких костных нитей. Нижняя часть головы заканчивалась гибким дыхательным хоботком, который прижимался к груди.

Существо воспринимало мир не глазами.

Вибрации. Воздух. Возможно, тепло.

Я посмотрел на его грудную пластину.

Человеческий аварийный блок был закреплён поверх чужого материала грубыми скобами. Один край обгорел. На индикаторе мигала слабая точка. Рядом на костяной пластине были вырезаны знаки: круг с тремя расходящимися линиями, затем угловатая отметка, похожая на горный проход.

Тот же круг повторялся на металлическом блоке.

Я нажал на край пластинки кончиком клинка.

Свет повернулся в сторону тоннеля.

Не ко мне.

К источнику за завалом.

Следопыты пришли не за Артёмом Савиным. Они даже не знали, что я существую. Они шли на аварийный сигнал, как ходили к капсулам, приборам и живым людям после падения.

Это было хуже личной охоты.

Личного врага можно убить. Сигнал продолжал звать новых.

Я не мог вернуться и выключить его. Не мог предупредить людей. Не мог даже знать, сколько ещё таких приборов лежало в горе.

Оставалось сделать единственное полезное: уйти достаточно далеко и оставить после себя след, который будет сильнее слабого света на чужой пластине.

Тело следопыта было свежим.

Я задержал ладонь над его грудью.

Он боялся перед смертью. Понимал опасность. Возможно, у него были свои приказы, свой дом, существа, к которым он собирался вернуться. Я не знал языка и не мог украсть его воспоминания даже при желании.

Мог взять только тело.

Это почти не помогало.

— Прости, — сказал я, не зная, кому именно.

Корни вошли под пластины на животе и шее.

Поглощение началось быстро. После обвала и перегрузки организм не выбирал красиво. Вода, кровь, соли и белок пошли первыми. Жар поднялся по рукам к груди. Раны начали сжиматься.

Я удерживал контакт и смотрел на маску, лежавшую в снегу.

Чужая кровь была густой, почти чёрной. Тело забирало воду и питание, а горькую ядовитую часть отводило в отдельные ткани рядом с желудком, подальше от сердца и мозга. Меня затошнило, но я не остановился.

Из ступней и голеней следопыта корни извлекли плотные сухожильные ленты. Они тянулись не только от пятки к икре, а расходились веером к бокам стопы. Каждый шаг такого существа накапливал напряжение и возвращал его при толчке. Секрет оказался в простой механике, отточенной телом вида.

Мои икры свело судорогой.

Под кожей прошли горячие полосы. Сухожилия у пяток натянулись так, будто кто-то укоротил их изнутри. Левая нога дрогнула. Я упал на обе руки, не разрывая контакт.

Боль длилась недолго. Тело сравнило чужие волокна с моими, укрепило повреждённые участки и добавило материал туда, где перегрузка уже несколько раз рвала мышцы.

В подошвах появилось неприятное покалывание.

Я чувствовал лёд не только кожей. Слабые удары от падающей воды проходили через обувь и расходились по костям голени. Правый корень, лежавший на камне, давал похожий сигнал. Два ощущения на мгновение совпали.

Капля падала в трещину слева.

Раньше я услышал бы звук. Теперь сначала почувствовал место удара.

Ненамного точнее.

Но достаточно, чтобы заметить разницу.

Я прекратил поглощение до того, как тело стало пустой оболочкой. Забрал воду, часть крови, мышечный материал, сухожилия и ткани чувствительных полостей. Остальное оставил.

Не из милосердия. Времени не было.

Рана на предплечье закрылась грубым швом. Бок перестал течь и больше не раскрывался от каждого вдоха. Плечо стянулось вокруг повреждения; руку я уже мог поднять до груди без новой крови под одеждой.

Почти весь запас, полученный от следопыта, ушёл на ремонт, но результат был настоящим. Через несколько минут сердце перестало колотиться и вернулось к ровному ритму. В горле остался привкус чужой крови. Левая голень увереннее держала вес. Кабель всё ещё был нужен: костная перемычка оставалась сырой, а колено после обвала не стало целым за один раз.

Я снял с тела грудную пластину с человеческим блоком.

Уничтожить прибор было проще всего.

Я положил его на камень и ударил трёхлапым грузом. Индикатор погас после второго удара. Внутри хрустнула плата. Я разбил корпус ещё раз, затем бросил обломки в разлом.

Сигнал в тоннеле продолжал работать.

Но этот следопыт уже не приведёт к нему других.

Снаряжение я осмотрел быстро. Сегментированный клинок оказался неудобным: рукоять была рассчитана на четырёхсуставную кисть, а лезвие складывалось при неправильном угле. Цепь весила слишком много. Короткий крюк с края разлома я не достал.

Я взял только груз с тремя лапами и тонкую режущую пластину с пояса.

Потом потащил тело вниз по ложбине.

Недалеко. Достаточно, чтобы оставить широкую кровавую полосу, ведущую от тоннеля к нижнему склону. Через сотню шагов я сбросил останки в снежную яму между камнями. След продолжил уже собственной кровью: раскрыл недозаживший порез на предплечье и касался стен через равные промежутки.

Каждый мазок отдавался голодом.

Каждый шаг уводил охоту от людей.

Когда склон стал слишком крутым, я остановился и прислушался.

Через подошвы пришёл слабый далёкий удар.

Потом другой.

Не рядом. Где-то выше, у горного прохода. Возможно, новый следопыт. Возможно, осыпался камень. Моё чувство стало точнее, но не настолько, чтобы отличать угрозу от самой горы на таком расстоянии.

Я продолжил спуск.

Новые сухожильные волокна мешали первые минуты. Шаг получался слишком коротким, пятка раньше отрывалась от земли. Потом тело нашло ритм. Икра растягивалась, накапливала усилие и мягко возвращала его. Я не стал быстрее вдвое. Не получил названия способности и торжественного сообщения.

Просто на каждом десятом шаге тратил немного меньше сил.

Для голодного человека на горе это было достаточно большим чудом.

Снег редел.

Между камнями появилась чёрная земля, покрытая жирным пеплом. Воздух стал теплее и тяжелее. Запах горелого пластика усилился. К нему примешались масло, мокрый металл и что-то сладковатое — разлагающаяся органика из долины.

Я вышел на край нижнего склона перед рассветом.

Передо мной лежала пепельная долина.

Она была шире, чем казалась с горного гребня. Чёрные полосы леса делили её на неровные участки. По земле тянулись старые дороги, канавы и длинные следы полозьев. В нескольких местах горели маленькие чужие огни.

А дальше, за дымом, краснел «Альтаир».

Корпус лежал на боку, разорванный и огромный. Пламя выходило из пробоин отдельными языками. Иногда внутри вспыхивал синий свет. Тогда на мгновение становились видны цепи, натянутые к обшивке, и тёмные фигуры у основания.

Корабль был ближе.

Намного ближе, чем люди за завалом.

Я стоял на ветру, чувствуя чужую кровь под языком, боль в плече и слабые колебания далёких механизмов через подошвы.

Позади гора продолжала звать охотников человеческим сигналом.

Впереди горел единственный источник ответов.

Я поправил кабель на голени и начал спускаться в долину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.